
ЮБИЛЕИ ТУЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Николай Струна
(г. Тула)

НАШ «ЗАГРЕБНОЙ»
(К 80-летию Николая Николаевича Минакова)

Удивительная, все-таки, штука — жизнь, удивительны отношения между людьми, непредсказуемы! Может в эти отношения вмешиваются некоторые высшие силы, направляя нас в нужном направлении? Когда надо, создавая трудности, препятствия, которые следует неизбежно преодолевать, или, наоборот, вдруг неожиданно помогая, помогая в самую критическую минуту, когда, казалось бы, помощи ждать неоткуда.

Никогда не думал я, что в моем почтенном возрасте вдруг приобрету нового друга, друга интересного, надежного, с которым мне будет многое связывать. Вообще по части друзей я — консерватор и придерживаюсь поговорки: «старый друг лучше новых двух». А здесь получилось совсем наоборот. К тому же новый мой друг значительно старше меня. Но, удивительно, я не замечаю этой разницы в возрасте! Потому что этим новым другом стал для меня Николай Николаевич Минаков. (Надеюсь, что он на меня не обидится, что я «навязываюсь» в друзья.)

И я сейчас пытаюсь понять, как так получилось, что нас не разделяет ни разница в возрасте, ни разница в наших профессиях, ни разница во взглядах на жизнь. По профессии он опытный журналист, публицист, писатель. По взглядам он всегда, насколько я знаю, придерживался «левого», коммунистического направления, я же только симпатизирую этому направлению. Мне кажется, все дело в том, что Н. Н. Минаков — человек открытый и прямой. А иногда он мне представляется по-детски наивным, и эта его открытость притягивает к нему людей даже малознакомых, а неприятелей обезоруживает. Он мне напоминает боксера, проводящего свои бои с «открытым забралом», не применяющего глухой защиты.

Какой он опытный и сильный журналист и писатель, я убеждаюсь каждый раз, читая его замечательные публикации. Как тонко и точно, как будто попадая в «десятку», пишет он о творчестве Натальи Парыгиной, Алексея Яшина, Николая Дружинина, Владимира Сапронова, Дмитрия Вечерки, Николая Дружкова, Валерия Савостьянова и других тульских писателей (Н. Минаков. Свет и тени.— Тула: Гриф и К., 2004). А как остро и злободневно защищает он литературное дело от нападок чиновников от литературы. В той же его книге много тому примеров.

Очень много у Н. Н. Минакова и литературных исследований. Когда читаешь такие его статьи, как «Л. Н. Толстой и А. М. Горький», «Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин», «Шаг вперед два шага назад» (журнал «Приокские зори»), приятно удивляешься широтой его литературных знаний, глубиной проникновения в характеры литературных классиков.

Удивляет профессиональная память Н. Н. Минакова. Он хорошо запоминает биографические сведения сотен авторов своих коллективных сборников, редактором которых он является. Он с достаточной точностью запоминает отдельные четве-

ростишия этих авторов и даже полные стихотворения. Благодаря его энтузиазму в 2005 — 2007 годах были составлены, отредактированы и изданы коллективные сборники произведений тульских поэтов и прозаиков: «Великий май», «Ветер времени над полем Куликовым», «Здравствуй, Тула!», «Свет любви», «Отчий край». Мне выпала честь участвовать в составлении этих сборников.

После знакомства с Николаем Николаевичем, я необычайно быстро нашел с ним общий язык. Разговор проходил легко и непринужденно. Я понял, что он опытный психолог, раз сумел так расположить меня к себе. К тому времени он уже был редактором газеты «Тульский литератор», которую сам и основал. Пожалуй, это единственная в Туле газета литературного направления, в которой могут публиковаться как опытные литераторы, члены Союзов писателей, так и члены литературных объединений и начинающие писатели. В 2005 году Николай Минаков выступил инициатором выпуска литературно-художественного журнала «Приокские зори» и стал заместителем ее главного редактора.

Николай Николаевич не только издает, но много и плодотворно пишет. Сейчас уже подготовлена к изданию вторая книга «Ветер времени и судьбы» диалогии «Опаленные войной». Первая книга «Сквозь расстрелянные годы» была издана в 2003 году. Всего в активе Николая Минакова пять книг прозы, поэзии, литературной критики и литературоведения.

Недавно я посвятил Николаю Николаевичу такое стихотворение:

*Ко мне судьба, наверно, благосклонна,
Или услышал Бог, в конце концов.
Я плыл по жизни.*

*Вдруг навстречу лодка,
Так слажены движения гребцов!*

*Но лодка проплывала стороной.
Вдруг голос прозвучал:*

*— Друзья, поможем!
Так говорил радушно загребной.
— Садись, пловец!*

Ведь ты — писатель тоже.

*И вот я в лодке и гребу со всеми.
И судно наше трудно, но плывет.
Порой мне тяжело...*

*Но зато я с теми,
Кто знает курс и движется вперед.*

*А рядом, здесь, плечом к плечу со мною
Наш лоцман, наш бессменный загребной.
А море поднимается волною,
И снова опускается волной.*

Действительно, я считаю, что Николай Минаков в сегодняшней Тульской литературе является «загребным», по которому равняются все литераторы. Он и «лоцман», предугадывающий фарватер Тульского литературного движения.

От души поздравляю юбиляра с такой «крутой» датой, желаю ему, в первую очередь, здоровья. Так держать, Николай Николаевич!

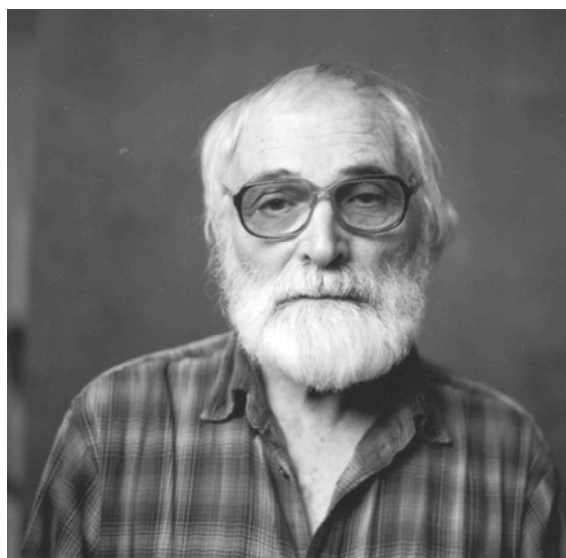
Виктор Пахомов
(г. Тула)

ПЕРОМ И КИСТЬЮ
(К 75-летию Александра Евгеньевича Новгородского)

Творцы изящного, будь то изобразительное искусство или поэтическое, похожи друг на друга. Похожи своей природной искренностью, всечасной потребностью делиться своими мыслями и чувствами, пониманием этого мира.

Им неважно, насколько серьезно воспринимаемы они сами. Самозабвенность — их натура, отличительная черта. Хлопоты о себе им противопоказаны. Они, как белые вороны, живут в укор всем нам, суетным, неумным, забывшим о пушкинском завете: «Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум, усовершенствуя плоды любимых дум, не требуя наград за подвиг благородный. Они в самом тебе...»

Юбиляр в расцвете творческих сил.

В этом смысле Александр Евгеньевич Новгородский — эталон. Ни наградами, ни званиями не отягощен, не отличен. Больше того, уходит от разговора на эту щекотливую для него тему.

Он, конечно, прав, но нам-то надобно подумать об этой явной несправедливости по отношению к нему, к его жизненному подвигу, многолетнему служению культуре и искусству.

Разве Александр Новгородский не единственный в области профессиональный поэт и художник — член двух Союзов?

Единственный, кто уже много лет безвозмездно работает с молодыми талантами,

поэтами и художниками, чья мастерская стала желанным прибежищем для тульской творческой молодежи, живым уголком нормального общения мастера с учениками, учебы у него.

Среди членов Союза писателей России.

А учиться у него есть чему.

За его плечами Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова (диплом с отличием), преподавание живописи на художественном отделении музыкального училища имени А. С. Даргомыжского, участие во всесоюзных, всероссийских, зональных, областных выставках. Его работы хранятся в Суриковском институте, в Тульском художественном музее, в частных коллекциях в России и за рубежом.

Он — автор стихотворных сборников «Звень осеннего листа», «На грани света», многочисленных поэтических сборников, антологий, хрестоматий, соавтор кантаты «От дней Петра до наших дней» (композитор В. Фоменко). Дружбой с ним гордятся многие известные туляки, писатели, артисты, работники культуры.

Его учитель, лауреат Сталинской премии, знаменитый Д. К. Мачальский неоднократно предлагал ему работать с ним в институте, огорчался нерешительностью своего любимого ученика, так и не решившегося на это предложение.

Не этому ли посвятил поэт свое стихотворение «Лист»?

*Блажен оттрепетавший лист,
О чем бы не глаголил ветер.
Пускай в предзимье не речист,
Он, как живой, лучист и светел.
Ему не свойственно предстать
Перед судом людским, всевышним.
Он был собратству леса в стать,
И птице, и зверью не лишним.
Он к свету тропку пробивал
Своим земным целебным соком.
И никогда не забывал
О назначении высоком.
Себя отцовству посвятив,
Сдержав несметных бед набеги,
Он в крепь лесную обратил
Дубрав зеленые побеги.*

Созданные Александром Новгородским, его живопись, графика, поэзия поражают. Поражают своим дополнением друг друга, своей слиянием, единством. Поистине

шедевром является альбом графики художника. Наброски, рисунки, иллюстрации, вошедшие в него, стихи, как бы вкрапленные в художественный текст, прибавляют своеобразия и новизны авторского откровения, внутреннего мира его.

В мастерской с учениками

И если в поэзии Новгородский вступает в след Иннокентия Анненского, ранее других почувствовавшего влияние импрессионизма, то в живописи его увлекает тайна абстрактного, влияние его на традиционное, реалистическое, чему посвящено им немало работ.

Постоянный поиск нового, нетрадиционного сказывается на всем творчестве художника и поэта Новгородского. Этим он близок и интересен своим ученикам. Ему претит дилетантство, профанация искусства. Человек тонкий, деликатный, он, не в пример многим из нас, там, где надо проявить характер, проявит его непременно. Расчетливости, выгоде он никогда не служил. Столько работ раздарено им, у кого из друзей и случайных знакомых не висят на стенах его работы? Он давно бы задохнулся, погас, ушел в себя, свое одиночество, если бы не был окружен такими же, как и он сам, рыцарями добра и справедливости, красоты, о которой он писал однажды:

*У красоты одна вина —
Давно известно.
Она пленительно страшна,
Как мост над бездной.*

Поэт не торопится с публикацией своих стихов, но то, что опубликовано им, получило признание. Стихотворение «Филимоновская любота» по праву украсило хрестоматию «Тульский край в литературе и искусстве».

Вообще, лирика поэта достойна быть выбита на камне! В ней столько окрыленного чувства благодарности женщине, любимой, что невольно хочется в знак признательности приклонить перед автором колени.

*Вы так прелестны, дивам диво!
С загадкой линий, жестов, глаз.
Весь мир красавиц горделивых
Единственной не стоит Вас...
Мне сам журавль давался в руки,
Но мой предатель карандаш
Изобразил смятенья муки,
Но не небесный профиль Ваш.
Как робок штрих — как он ничтожен!
И у творца не лучше в ид.
Повержен, смят и уничтожен:*

*Я Вашей прелестью убит!
За дерзость выплачены пени.
Зачем всечасно, ангел мой,
Улыбки Вашей светотени
До сей поры владеют мной!..*

Мы разучились писать любовные стихи. Не знаю никого, кроме Новгородского, постоянно обращающегося к ним. Можно подумать, что судьба балует его. Дает поводы для вдохновения их писать. Но это не так! Бедами и несчастьями не обходит она его, к сожалению.

Краснодарский край, Кубань, станция Кореновская — его родина. После школы поступил в Краснодарское художественное училище. С третьего курса уехал в Москву, поступил в Суриковский институт, где осознал свое предназначение. Здесь и нашел своего учителя Мачальского.

Потом — Тула, самостоятельная жизнь, работа, семья, дети. Трудное восхождение. Обретение себя, руководство отделением Союза художников. Дружба с замечательными художниками Дрофиным и Стриженко, без которых вряд ли одолел нагрянувшее. Потеря любимого сына, художника, музыканта, поэта чуть не сломала его, погрузила в тоску и опустошенность. Помог пример отца, фронтовика, десантника, угодившего в плен, бежавшего из плена, чтобы угодить в лагерь, перенесшего муки унижения, но не сломавшегося, встретившего реабилитацию с гордо поднятой головой. Пример отца научил его главному: быть верным себе, верить в людей, в правду и справедливость.

Внутренний стержень, честность и благородство Александра Евгеньевича привлекают к нему окружающих, особенно молодых, чувствующих в нем нестареющую, молодую душу, истинного учителя и наставника, обожаемого мэтра.

Наставник из него получился не хуже Павла Петровича Чистякова, выпестивовшего таких гигантов живописи, как Репин, Суриков, Серов, Васнецов, Врубель. Дело не в величинах сравниваемого, а в сути, в понимании долга, завета: Учитель, воспитай ученика!

Александр Евгеньевич при всяком удобном случае вспоминает своих учеников: Светлану Кошелеву, Дину Измайлову, Марьяну Казакову, Ваню Кефанова, Светлану Шатову. Их успехи его радуют, как свои собственные.

Многие из его живописных работ, такие как «Фехтовальщица», «Перед соревнованием», «Защитники Тулы», «От советского информбюро», «Память», «Вернулся», «Светлана», циклы «Автопортрет», «Реалии абстракции» и другие стали достижением и историей тульского изобразительного искусства, сделали ему имя.

Я люблю его стихи. Постоянно перечитываю их. Они помогают мне жить, разбираться с собой.

*Как быть перу усталому,
Когда в душе темно,
Когда от снега талого
На улице дрянно?
Когда на сердце трещина
Больней день ото дня,
И в доме плачет женщина,
Любившая меня...
Забросит ветер сети
Лучей зари в затон.
Притихнет в травах ветер —
Уставший за день конь.*

*И тишина, что лебедь,
Взойдет над гладью вод.
И грез оживших трепет
Надеждой зацветет.
Заблещут звезды зыбко
На маковках ракут,
И золотою рыбкой
Луна заговорит:
«Еще чего-то надо?»
А я отвечу ей:
«Любимую отраду
Из невозвратных дней!»*

Мне импонирует эта естественная переключка с Жуковским. Задушевность, возвышенность, чистота не могут не волновать, не трогать, не возвышать...

Спасибо поэту!

Думаю, что поэта не царапают даже сиамские кошки, не лают на него бродячие собаки, на версту чувствующие человека, не любящего их.

Помню, какой любовью окружал поэт своего попугая Кешу, как переживал вынужденное расставание с ним.

Расположенность к людям, доброта и терпение не единственные добродетели его. И кто только не пользуется ими? В недавней поездке в Венею на выступлении в школе, рассказывая о своем творчестве, показал он аудитории свои рисунки-штудии, которые так понравились ученикам, что, мягко говоря, оставил их им на память.

Стихи Новгородского последнего времени отличаются от ранее написанных. Если те в основном писались рукой художника, то нынешние уже рукой поэта. В них больше сегодняшнего дня, подтекста, диалога с читателем, звука, тревоги.

*Я был бы нравом веселей,
Когда б не смрад дорог,
Когда б в дыму не занемог
Последний соловей.
Я мир бы весь, как брат, любил,
Когда б не слов обман,
Когда б деревню не долил
Забвения туман.
Я б улыбаться не устал
Приветливости лиц,
Когда бы глаз не разъедал
Тлетворный смог столиц.
Я светел был бы, словно май,
Как лес осенний тих,
Когда бы обошли наш край
Кислотные дожди.
В краю бесхозных лошадей
И брошенных собак,
Я задохнулся б, словно рак,
В отравленной воде.
Колодец, высохший до дна,
Душе моей под стать.
В том не твоя — моя вина.
Прости, природа-мать.*

Прости и ты нас, поэт! Прости...

Константин Струков

(г. Тула)

ВЕРШИНА ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

(К 60-летию Валерия Савостьянова)

Круглая ли дата — 60 лет? Конечно круглая, раз имеется нолик. Тем более, как говорится, начиная с некоторого возраста все дни рождения, кратные пяти, являются юбилейными. Потому что на склоне лет преодоление каждой пятилетки равносильно десяти — двадцати годам молодой жизни. Действительно, годы уже приходится преодолевать, как не парадоксально это звучит.

Так что Валерий Николаевич вступил в «клуб» шестидесятников, с чем его и поздравляю. Я вступил туда еще раньше и поэтому могу его приветствовать в рядах «нашего» клуба. Однако, оказывается «шестидесятником» в СССР называли «свободолюбивающего интеллигента, выступающего за соблюдение прав человека, свободу личности и гласность». Так вот в какой достойный «клуб» он вступил.

Мне представилась возможность поздравить Валерия Савостьянова со страниц нашего замечательного журнала. Но это поздравление я не считаю «от имени соратников по перу». Мое поздравление лично от меня, а также от друзей Валеры, в число которых я, надеюсь, вхожу. А от «соратников по перу», я думаю, он получит много поздравлений и они будут более достойными и солидными, чем мое скромное поздравление.

Сколько лет я его знаю, он всегда был «заводилой», мотором наших компаний, иногда, как мне казалось, безрассудным и нам, его попутчикам, приходилось урезонивать, ограничивать его пыл. К примеру, на байдарке он мог проплыть целый день без отдыха и остановок. А на остановках, вместо положенного отдыха, он начинал заниматься своим любимым бегом.

И эта его черта — неутомимость — проникла во все сферы его деятельности. В том числе и в литературу. Тщеславный, в хорошем смысле, он привык добиваться своих целей — и в жизни и в творчестве. Я, наверно, тоже такой, ведь по гороскопу, как и он, отношусь к «девам».

Мне кажется, что Валерий Николаевич не ожидал, что в «его» литературный круг вдруг ворвался я, человек непосвященный и по литературной части для него незнакомый. Ведь наша дружба была основана на водных маршрутах, на сфере туризма, на «теплых» наших приятельских компаниях. Сфера поэзии для нас, простых туристов и городских обывателей, была «табу». Мы, конечно, знали, что он с успехом сочиняет стихи и издает сборники. Но, насколько я помню, о своих стихах он никогда с нами не говорил и, тем более, не декламировал их. Здесь, в укор ему, могу сказать, что почти каждый человек, даже если он в явном виде не поэт и не писатель, в глубине души стихи любит и они могут его волновать не меньше, чем самого автора стихов. Но я понять его могу, ведь сам когда-то испытывал чувство робости и неловкости перед людьми за свою тягу к поэзии.

Что касается самого творчества Валерия Савостьянова, то ряд его стихов я нахожу сильными, выполненными на высоком уровне. Про все стихи я не могу сказать

этого, ведь я не литературный критик. Особенно в творчестве В. Савостьянова выделяются стихи патриотической тематики. Например, очень выверено, точно звучат такие строки из стихотворения «Страна»:

*Нам не дано другой страны:
Она — такая.
С ней вместе стынь и жди весны.
Не упрекая.
И не пытайся понимать,
Она — абсурдна:
То осторожна, словно мать,
То безрассудна.
То умоляет: «Не убий!»,
Рожая тройню,
То вдруг — сурова, как Сибирь,
Пошлет на бойню!..*

Глубоко философски звучит стихотворение «Вещи»

*Мы тратим жизнь — мы копим вещи
И деньги копим, чтоб купить.
А звезды блещут, звезды блещут
И не приучены копить.*

*А звезды блещут и мерцают,
Алмазом режут по судьбе,
А звезды вещи отрицают,
Поскольку сами — вещь в себе...*

Удаются Валере Савостьянову стихи о нашей Родине, о селе, о несравненной среднерусской природе. И картины природы у поэта часто ассоциируются с образами русских красавиц. Вспомним такие строки поэта:

*Я смотрю на тебя, понимая
Почему ты, такая прямая,
Над березами вознесена.
Ты усвоила тайну успеха:
Не давать бокового побега
И рубить свои ветки, сосна.
Пусть береза-дуреха любила,
Надевала сережки весной,
Ты все лишние связи —
Рубила,
Ты всегда оставалась сосной.*

*...Ветше Ветхого завета,
Вечной вечности древней
Имя это. «Вета, Вета!» —
Волны падают с камней.
Лодка. Лето.
Блики света —
Лунный фосфор на весле.
Шепчет ветер:
«Вета, Вета!» —*

*Полюбившейся ветле.
До рассвета: «Вета, Вета!» —
Несравненной из ветвей
Щебетал стихом сонета,
Пел сонаты соловей...*

*...Я забыл те лица и фамилии,
Тех друзей походных имена —
Помню лишь: Плывет, срывая лилии,
Лилия прекрасная одна;
Да еще мольбу мою напрасную,
Что была той Лилии смешна:
Что нельзя их рвать —
Что в Книгу Красную
Лилия давно занесена...
«Как же вы все быстро забываете,—
Хохотала Лиля на плоту,—
Что же вы нас, мальчики, срываете,
В Книгу не заглядывая ту?..»*

В своем маленьком обзоре, я не затронул такой важной темы творчества В. Савостьянова, как защита Отечества, темы «Самой страшной и Кровопролитной Войны XX века». Эта тема занимает особое место в поэзии Савостьянова и поэтому просто «касаться» ее не собираюсь.

В заключение хочу сказать, что поэзию Валерия Савостьянова я не могу воспринимать однозначно, с таким «диким восторгом и почитанием». Я замечаю как положительные, так и не очень положительные стороны его творчества. Не собираюсь разубеждать тех, кто принял в своем сердце поэзию Савостьянова полностью, без оговорок. Я высказываю только свою точку зрения.

Однако, нельзя не согласиться, что поэт он незаурядный, а для Тулы — выдающийся. Хочу пожелать замечательному поэту и человеку Валерию Савостьянову крепкого здоровья и, обязательно, творческих успехов! Надеюсь, что своей поэтической вершины он еще не достиг.

